

УДК 811.161.1

О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АНАЛИЗЕ МОРФЕМ, ИЛИ СКОЛЬКО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ СУФФИКСОВ -УШК-

В.А. Косова, Е.А. Маклеева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Статья посвящена актуальной лингвистической проблеме – поискам критериев разграничения омонимичных морфем. Эта задача связана с необходимостью определить свойства оценочного суффикса *-ушк-* как одного из ярких средств выражения категории субъективной оценки в русском языке, а также обосновать его дифференциацию со сходными элементами системы – омонимичными суффиксами. Функциональная природа морфем, установленная И.А. Бодуэном де Куртенэ, предписывает использование для их анализа функциональных методик, однако общепринятых методик описания функций словообразующих аффиксов не существует. В статье проанализирован и обобщён опыт исследований в области словообразования и морфематики с позиций функционального подхода; выстроена иерархия функций словообразующих морфем; установлено, какие из этих функций обладают системно-языковой значимостью, а следовательно, релевантностью для разграничения морфем-омонимов.

На этой основе разработана методика комплексного функционального анализа аффиксов, направленного на выявление их системно значимых свойств, индивидуальная комбинация которых отличает данную морфему от омонимичных. Использование полученного алгоритма позволило установить существование в русском языке пяти функционально обособленных морфем *-ушк-*. Особый акцент сделан на разграничении двух омонимичных суффиксов с субъективно-оценочной семантикой. Важнейшей перспективой использования функционального анализа в сфере морфематики является создание системно-функционального каталога словообразовательных аффиксов русского языка.

Ключевые слова: морфема, суффикс, категория субъективной оценки, функциональный анализ, словообразовательный тип, словообразование, семантика

Субстантивный суффикс *-ушк-* (орфографический вариант *-юшк-*) в исследованиях по русскому словообразованию рассматривается, как правило, в числе средств выражения категории субъективной оценки. Выделенная В.В. Виноградовым [1], эта словообразовательная категория вызывает давний и устойчивый интерес лингвистов. Такие свойства русских префиксов и суффиксов субъективной оценки, как их высокая порождающая способность, богатейший эмоционально-экспрессивный и стилистический потенциал, обуславливают их яркое своеобразие в ряду других морфем, позволяя делать заключения об отражённой в языке специфике национального русского менталитета [2, с. 118–136]. В связи с этим суффикс *-ушк-* попадает в поле зрения исследователей чаще всего в своей

наиболее явной функции – субъективно-оценочной (см. [3, с. 152–153; 4, с. 47–56] и др.). Репутация «уменьшительного», «ласкательного», сформировавшаяся у этого суффикса, столь сильна, что способна порождать некорректные толкования образованных с его помощью дериватов в лексикографических источниках (ср., например, включение в группу существительных со значением ласкательности слова *игрушка* наряду с *избушка* и *зимушка* в учебном словаре для зарубежных школ (Сл. Пот., с. 237)).

Специальные работы, посвящённые системному описанию свойств суффикса *-ушк-* (*-юшк-*) и созданных с его помощью производных, нам не известны, хотя эта морфема представляется весьма интересным и проблемным объектом лингвистического анализа и интерпретации. Осложняя не только именные, но и глагольные основы, суффикс *-ушк-* участвует как в оценочной деривации, так и в собственно номинативном словообразовании, ср.: *рябина* – *рябинушка*, *сарай* – *сараяшк*, с одной стороны, и *копчёная (рыба)* – *копчушка*, *зола* – *золушка*¹, *простой* – *простушка*, *ловить* – *ловушка*, *камень* – *каменушка* (вид морских уток, которые водятся в утёсах (Даль, с. 2197)), с другой. Проиллюстрированная многопрофильность исследуемого аффикса во многом предопределила расхождения учёных в понимании того, сколько морфем представлено в русском языке фонематическим комплексом *-ушк-* (*-юшк-*). Так, в классическом труде В.В. Виноградова «Русский язык» описаны свойства пяти суффиксов с данной фонетической оболочкой [1]; в «Русской грамматике»-80 охарактеризовано десять морфем, не сведённых в морфемы: семь морфем *-ушк(а)*, морф *-ушк-* и два морфа *-ушк(и)* (см. [5, с. 165, 166, 171 и др.]); в «Толковом словаре словообразовательных единиц русского языка» Т.Ф. Ефремовой представлена характеристика семи суффиксов *-ушк-* и суффикса с мягкой финалью *-ушк'* (Сл. Ефр., с. 493–497).

Цель настоящей статьи – определить функциональные свойства и морфемный статус суффикса *-ушк-* в современном русском языке с использованием авторской методики анализа словообразующих аффиксов.

Достижение поставленной цели предполагает последовательное решение двух комплексных задач:

1. Принимая во внимание опыт функционального анализа в исследованиях по дериватологии, создать сводную типологию функциональных подходов к анализу словообразующих морфем; разработать на этой основе комплексную методику функционального анализа морфем.

2. Осуществить функциональный анализ производных существительных с суффиксом *-ушк-*, собранных путём сплошной выборки из «Обратного словаря русского языка»², с использованием созданной методики; установить, сколько суффиксальных морфем представляет фонематический комплекс *-ушк-/-юшк-*, участвующий в образовании имён существительных; выявить их системно-функциональные свойства; сделать заключение о системном статусе каждой из этих оморфем в русском языке.

¹ Строчная буква соответствует метафорическому значению этого слова и отражает традиции его фиксации в словарях (ср., например, (ОСРЯ, с. 70)).

² В качестве материала исследования использовались также данные толковых словарей и Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Реализация цели исследования рассматривается нами как первая ступень (в направлении «от формы») полного функционального анализа категории субъективной оценки в русском языке; при этом ономаσιологические обобщения (в направлении «от содержания») в задачи данной статьи не входят. В широком исследовательском контексте актуальность проблемы исследования связана с идеей о создании принципиально новой модели словообразовательной системы русского языка – категориально-ономаσιологической, воплощаемой дериватологами на новом, функционально ориентированном витке развития лингвистики. Описание номинативно-деривационной системы русского языка в виде совокупности взаимообусловленных словообразовательных категорий осмысливается лингвистами как сверхзадача современной дериватологии (см. [6]), решение которой позволит эффективно изучать соответствующие языковые и смежные с ними явления в когнитивном, лингвокультурологическом и психолингвистическом регистрах, широко востребованных гуманитарными практиками XXI в.

Обязательным условием реализации этой широкой программы является проведение специальных исследований, направленных на подробное «исходно-формальное» описание словообразующих морфем, поскольку подход «от семантики», по утверждению А.В. Бондарко, «заключает в себе предваряющее знание результатов традиционного описания “от формы”» [7, с. 299]. Однако ценный опыт двух наиболее полных системных описаний аффиксальных ресурсов русского языка, отражённый в «Русской грамматике»-80 и «Голковом словаре словообразовательных единиц русского языка» Т.Ф. Ефремовой, в свете задач современной лингвистики представляется недостаточным. Это связано с их преимущественной ориентацией на дихотомию «форма – значение», характерной для структурно-системного подхода к изучению языка. На этом строится, в частности, методика сведения в морфему её линейных разновидностей (морфов), используемая авторами «Русской грамматки»: «В одну морфему могут объединяться лишь такие морфы, которые обладают фонематической близостью при тождестве значения» [5, с. 125]. Однако семантика аффиксов не может служить единственным инструментом их дифференциации ввиду своего отвлечённого характера, спаянности с лексической семантикой производного слова и значением словообразовательной модели.

Необходимость разработки новых методик анализа морфем, продиктованная изменившимся исследовательским контекстом, требует уточнения сущности морфемы, то есть прояснения исходных концептуальных положений, которые составили платформу её выделения в качестве объекта лингвистики и теоретического обоснования. Основоположник классической теории морфемы И.А. Бодуэн де Куртенэ исходил из представления о словах как «комплексах знаменательных, осмысленных частей» [8, с. 34], в каждой из которых пульсирует «психическая жизнь». Важно отметить, что, рассуждая о морфемах как о значимых элементах языка, учёный разграничивал понятия «значение» и «функция» без противопоставления их друг другу. Об этом свидетельствует, например, название одного из подразделов морфологии в разработанной им «Подробной программе лекций в 1876-77 учебном году», содержащее любопытное уточнение: «Формы и их функции, т. е. их (внутреннее) значение» [8, с. 47]. Развивая функциональные взгляды на морфему своего учителя, Н.В. Крушевский писал:

«...Значение деятеля может рассматриваться как содержание или функция звукосочетания *-итель*, или значение известного животного – как содержание или функция звукосочетания *волк*», а следовательно, «*-итель* и *волк* суть знаки соответствующих содержаний» [9, с. 14].

Знаменательная часть слова, выделенная Бодуэном де Куртенэ в качестве особой языковой единицы и названная им морфемой, теоретически осмысливается как «комплекс звуковых представлений, объединяемый в одно целое ассоциацией с известною группою представлений из области или строя слов (представления морфологические), или их значения (представления лексические и семасиологические)» [8, с. 118–119]. Ключевым здесь является указание на двусторонний, материально-идеальный характер морфем: это комплексы звуков как носители структурных и семантических представлений, обладающие вычленяемостью и, вопреки очевидной связанности («всё-таки они имеют значение только в соединении с другими» [8, с. 96]), известной самостоятельностью, «сохранением отчётливости, обособленности» [8, с. 60]. Таким образом, неотъемлемым свойством морфемы Бодуэн де Куртенэ считал не значение как таковое, а способность передавать более широкие и разнородные (морфологические, лексические, семасиологические) «представления», называемые в науке функциями; при этом учёный изначально разграничил строевые (структурные) и семасиологические (семантические) функции морфемы.

Созданное на функциональной платформе учение И.А. Бодуэна де Куртенэ о морфеме открыло для языкознания новые исследовательские горизонты: обоснование двустороннего, то есть знакового, характера морфем не оставляло сомнений в исчислимости этих системообразующих языковых единиц, каждая из которых нуждается не только в фиксации, но и во всестороннем описании. По прошествии времени эта задача не потеряла актуальности, однако препятствием к её решению служит отсутствие общепринятых подходов к анализу морфем. Функциональная природа морфем, установленная И.А. Бодуэном де Куртенэ, предписывает использование для их анализа и описания функциональных методик. Между тем в 1990 г. Т.И. Вендина писала по этому поводу следующее: «...В современном языкознании только начала ещё разрабатываться общая типология функциональных подходов к изучению языка, и ни в области семантики, ни в грамматике, ни в синтаксисе нет однозначного решения. Нет его и в области словообразования» [10, с. 11]. По недавнему выводу И.С. Улуханова, «в настоящее время можно говорить в большей степени о перспективах, нежели о результатах разработки словообразования с функциональной точки зрения» [11, с. 91].

При формировании методики функционального анализа словообразующих морфем мы будем исходить из широкого понимания языковой функции как цели, назначения, заложенного И.А. Бодуэном де Куртенэ и развитого впоследствии в «Тезисах Пражского лингвистического кружка»: «...К лингвистическому анализу нужно подходить с функциональной точки зрения. С этой точки зрения язык есть система средств выражения, служащая определённой цели» [12, с. 17]. На первом этапе решения поставленной задачи необходимо разработать общую типологию функциональных подходов к анализу морфем, позволяющую объединить и систематизировать научные представления о функциях,

свойственных аффиксальным морфемам, выстроить их иерархию и установить, какие из этих функций обладают системно-языковой значимостью, а следовательно, релевантностью для разграничения морфем-омонимов. Второй этап предполагает создание функциональной «картограммы» каждого аффикса, представляющей собой перечень его системно-значимых функций, индивидуальная комбинация которых отличает эту морфему от омонимичных. Согласно тонкому замечанию В.Г. Гака, «функция элемента (объекта) определяется его ролью в системе. Поэтому изучение функционирования позволяет лучше понять внутреннее устройство объекта» [13, с. 7].

Итак, далее будут кратко рассмотрены разные типы функционального подхода, применяемого к анализу аффиксов. Разграничение подходов связано с полифункциональностью русских словообразующих морфем, обусловленной общезыковой значимостью аффиксов, с одной стороны, и сложной многоуровневой организацией языковой системы, с другой. Каждый подход направлен на выявление разновидностей аффиксов по данному классифицирующему основанию, то есть на определение диапазона их функций в рамках той или иной функциональной сферы языка.

1. Базовый, традиционный подход к описанию единиц разных уровней языка основан на выявлении их природы (грамматической или неграмматической). В соответствии с этим наиболее широким основанием разграничения аффиксальных морфем по функции является характер деривационных процессов, в которых эти морфемы участвуют: одни служат для образования форм слова, другие используются для создания новых слов. Таким образом, все аффиксальные морфемы «с точки зрения функциональной делятся на формообразующие и словообразующие» [14, с. 111].

Многие словообразующие аффиксы функционально синкретичны, то есть наделены, помимо собственно деривационных, также грамматическими функциями, которые иначе квалифицируются исследователями как структурные [10, с. 13]. Речь идёт, в частности, о суффиксах, маркирующих слова в аспекте их частеречной принадлежности, о так называемых чистовидовых приставках и т. п. Таким образом, у словообразующих морфем выделяются две наиболее общие функции: 1) структурная (включает в себя грамматическую, обозначенную выше, и собственно деривационную, которая связана с участием аффикса в формировании новых лексических единиц); 2) семантическая, которая выражается в способности аффикса передавать разные типы значения и характеризуется обращённостью к целевой установке говорящего.

Конкретизация деривационной и семантической функций словообразующих аффиксов отражена в анализируемых далее функциональных подходах различных типов.

2. По степени выраженности собственно семантической функции, то есть по характеру значения (имеется в виду наличие или отсутствие «собственного», конкретизированного значения), словообразующие аффиксы делятся, согласно классификации И.С. Улуханова, на «семантически инвариантные» и «семантически неинвариантные». Значение инвариантных аффиксов устанавливается «путём сведения к семантическому инварианту различных компонентов немотивирующей части значений слов с данным аффиксом» [15, с. 89]. Так, в частности,

инвариантные суффиксы *-и-*, *-н-*, *-щик-* указывают на то, что образованные с их помощью слова называют действие, признак или субстанцию; конкретизация этих широких значений осуществляется в контексте слова, фразы или текста (речевой ситуации). Лексико-семантический потенциал словообразовательных формантов такого типа определяется набором частных (лексико-словообразовательных) значений, в выражении которых эти аффиксы участвуют в рамках соответствующих словообразовательных моделей. Например, существительные с суффиксом *-ни(е)*, наряду с процессуальным значением, могут выражать орудийное (*удобрение*), локативное (*поселение*), объектно-результативное (*вяза-ние*) и другие значения пропозициональной природы.

Значение неинвариантных аффиксов устанавливается «путём выделения тождественных компонентов немотивирующей части значений слов с данными аффиксами» [15, с. 89]. Примеры подобных «семантически определённых», конкретных по семантике суффиксов приводятся в диссертации Н.В. Крушевского. Это морфемы *-ик* и *-чик*, которые «придают уменьшительно-ласкательный оттенок», суффикс *-ник* и его разновидность *-атник*, обозначающие место или строение для известных животных: *гусятник*, *курятник*; суффикс *-итель* со значением деятеля; суффикс *-ёж*, служащий преимущественно для обозначения *potinīs actiōnis*: *делёж*, *грабёж*, *кутёж*; суффикс *-онок*, который «присоединяется только для обозначения молодых животных: *котёнок*, *медвежонок*, *утёнок*..., а в том же значении употребляется ещё только один суффикс, именно *-оньш*, напр., *утёньш* и т. п.» [9, с. 77]. Крушевский считал возможным определение значения этих морфем благодаря тому, что они встречаются во многих словах в сочетании с разными звуковыми комплексами, что «производит их обособление в нашем сознании, или, вернее, в нашем чутье языка» [9, с. 70].

По семантическому объёму различают, таким образом, аффиксы со сравнительно узким неинвариантным значением (например, суффикс *-ем(а)* в наименованиях языковых единиц: *дериватема*, *морфема*) и инвариантные аффиксы, обладающие довольно широким семантическим диапазоном (например, суффиксы *-тель* и *-щик* в значении носителя процессуального признака).

3. Реализуя в процессах словопроизводства собственно деривационные функции, аффиксы играют системообразующую роль в двух подсистемах языка: словообразовательной и лексико-семантической. Объединения производных слов с общим словообразовательным значением, маркированных «специальными аффиксами, каждый из которых выражает либо отдельно взятый концепт, либо некую их совокупность» [16, с. 6], рассматриваются дериватологами как прототипические словообразовательные категории. Общеязыковую значимость аффиксальных категориальных маркеров трудно переоценить с учётом того, что словообразовательные категории признаны высшей формой организации словообразовательной системы, а также фактором семантической стратификации номинативной системы в целом (см. [6, с. 94–105]).

В рамках лексико-семантической системы наиболее очевидна значимость суффиксов, обладающих таксономической релевантностью, которая, в свою очередь, обусловлена классифицирующими возможностями этих морфем. Таксономически релевантные суффиксы способны к выделению и формированию разнообразных лексико-семантических объединений: от больших лексических

классов до небольших подклассов внутри более крупных категорий. Таковы, например, *nomina abstracta* (*свежесть, белизна, идеализм*), *nomina actionis* (*хождение, творчество, борьба*), названия вместилищ (*коровник, скворечник, пудреница, сахарница*), названия орудий, инструментов или приспособлений (*выключатель, щипцы, борона, точилка*), названия совокупности деревьев одной породы (*ельник, сосняк*) и многие другие.

Аффиксы, не обладающие таксономической релевантностью, также являются фактором организации лексико-семантической системы, пополняя производными словами состав лексико-семантических и тематических групп, выделенных на иной, собственно семантической основе (например, приставочные дериваты с начинательным значением в ЛСГ глаголов звучания).

4. Ещё одна сфера функциональной спецификации словообразующих аффиксов обусловлена коммуникативно-речевым фактором. В монографии Е.А. Земской «Словообразование как деятельность» выявлены и описаны типовые коммуникативные установки говорящего, послужившие основанием для выделения соответствующих функций словообразования. Речь идёт о собственно номинативной (*дуноход, суперкубок*), конструктивной («моржевать», «младшесть»), компрессивной (*двухменка, старпом*), экспрессивной (*старушенция, аргументик*) и стилистической (*табуретка, зафотографировать*) функциях [17, с. 8–11]. Аффиксы, отвечающие в рамках определённых словообразовательных моделей за реализацию той или иной установки, входят в число носителей соответствующих коммуникативно-речевых функций.

5. Функционально значимой характеристикой аффиксов является их глубинная способность осуществлять в процессе деривации разнотипные семантические преобразования исходных единиц, отражённые в производных словах: преобразования на уровне частеречной семантики при транспозиции (*читать – чтение*), на категориально-лексическом уровне при мутации (*читать – читатель*), внутрикатегориальные преобразования при модификации (*читатель – читательница*). Это свойство аффиксальных морфем предопределило дифференциацию словообразовательных значений на транспозиционные, мутационные и модификационные. Разграничение соответствующих функциональных сфер, впервые намеченное В.А. Богородицким³, получило впоследствии теоретическое обоснование в трудах М. Докулила [19, с. 129–149]. Аффиксам, «привязанным» в своём прямом значении к одной из этих сфер⁴, приписывается соответствующая деривационно-семантическая функция.

6. Ещё одна функциональная типология словообразовательных элементов разработана З.И. Резановой, которая рассматривает номинативный, синтаксический и прагматический потенциал аффиксов сквозь призму их участия в порождении текста. Развивая и углубляя деривационную концепцию М. Докулила, при анализе пропозициональной семантики имён мутационного типа автор акцентирует внимание на характере функционального соотношения лексического и словообразовательного значений в производном слове [21]. При этом учитывается тонкий функциональный параметр, выделенный Н.Д. Арутюновой, –

³ Подробнее об этом см. [18].

⁴ Аргументация этого положения содержится в нашей статье [20].

актуальное для словообразования имени существительного разграничение двух функциональных типов лексического значения: идентифицирующего, многопризнакового (названия предметов как «имена естественных родов») и предикатного, однопризнакового (названия лиц и некоторые другие «имена номинальных классов») [22, с. 203–213].

Введение этой типологической характеристики позволило установить, что производные имена существительные, различающиеся типом лексического значения, противопоставлены друг другу также по типу текстового функционирования. Словообразовательная структура предикатных имён актуализируется в тексте, тогда как использование производных идентифицирующей семантики не является результатом совместного действия механизмов словообразования и текстопорождения (см. [21]).

7. Функционально-стилистическая специализация многих русских аффиксов – факт общеизвестный и не нуждающийся в обширных комментариях. По этому признаку разграничиваются аффиксы стилистически нейтральные и стилистически маркированные: книжные, разговорные, жаргонные и т. п. Функцию стилистически маркированных аффиксов можно определить как стилеобразующую.

Обобщая результаты анализа разных типологических подходов к описанию словообразующих аффиксов, перечислим выявленные системно значимые функции этих морфем:

1) собственно деривационная (образование слов; при этом аффиксы могут выполнять определённые структурно-грамматические функции);

2) деривационно-семантическая (создание слов с определённой семантикой как типовое структурно-семантическое преобразование базовых единиц номинации);

3) коммуникативно-речевая (образование слов с целью реализации какой-либо типовой коммуникативной установки);

4) морфемно-семантическая (выражение определённой морфемной семантики в рамках производных слов);

5) системообразующая (тот или иной вклад в упорядочивание словообразовательной и лексической семантики языка);

6) текстопорождающая (способность аффиксальных производных определённого типа актуализировать структуру при развёртывании текста);

7) стилеобразующая (создание производных, служащих маркером определённого функционального стиля или формы языка).

Совокупность названных функций послужила основой для создания модели функционально-системного анализа аффиксов, этапы которого реализуются в определённой последовательности (от более значимых, облигаторных функций к менее значимым, факультативным) и выделены в соответствии со следующими функциональными параметрами:

1) деривационный профиль аффикса (словообразующий/формообразующий); функциональный объём словообразующего аффикса (носитель структурно-грамматических функций и/или семантических функций);

2) деривационно-семантическая спецификация аффикса (мутационный/транспозиционный/модификационный);

3) коммуникативно-речевой диапазон и специфическая коммуникативно-речевая функция (номинативная/структурная/экспрессивная/компрессивная/стилистическая);

4) характеристика аффикса по типу значения (инвариантное/неинвариантное); лексико-семантический диапазон аффикса;

5) системообразующий потенциал (категориальный / субкатегориальный характер словообразовательной семантики; таксономическая релевантность / иррелевантность);

6) функционально-синтаксический (текстопорождающий) потенциал (наличие / отсутствие у аффикса способностей к текстовому развёртыванию семантики; их характер при наличии);

7) функционально-стилистическая ориентация аффикса (стилистически нейтральный / стилистически маркированный).

Далее по этой модели будет проанализирован субстантивный суффикс *-ушк-* и образованные с его помощью производные.

1. В «Обратном словаре русского языка» зафиксировано около 250 слов, в которых этот суффикс вычленяется как элемент их словообразовательной структуры. Словообразующее назначение суффикса *-ушк(a)* в таких производных, как *хлопушка, игрушка, углувушка, раскладушка, простушка, вертушка, квакушка* и т. п., не вызывает сомнений. Однако вопрос о том, чем являются оценочные образования типа *головушка* и *клетушка*: самостоятельным словом, фактом словаря (А.И. Соболевский, Ф.Ф. Фортунатов) или формой исходного слова, фактом грамматики, словоизменения (В.В. Виноградов, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба), долгое время был объектом интенсивной научной дискуссии. По утверждению В.В. Виноградова, «уменьшительно-ласкательные суффиксы – суффиксы не словообразующие, а формообразующие» [1, с. 101], потому что они не меняют лексического значения слова, а лишь указывают на степень оценки. В настоящее время эта позиция ещё сохраняет своих приверженцев. Так, излагая в предисловии к «Толковому словарю словообразовательных единиц русского языка» теоретические основы его построения, Т.Ф. Ефремова причисляет уменьшительные, увеличительные, уничижительные суффиксальные образования имён существительных к формообразовательным категориям (Сл. Ефр., с. 8).

Однако ещё В.А. Богородицким в «Очерках по языковедению и русскому языку» чётко и убедительно обоснована противоположная точка зрения по вопросу о границах между словообразованием и формообразованием (словоизменением): «Словообразование касается части слова, называемой основой, а словоизменение изучает окончания, присоединяющиеся к основе при склонении и спряжении. Таким образом, словообразование представляет собой учение о материальной стороне слов, связанной с собственным их значением, словоизменение же является учением о формальной части слов, посредством которой слова выступают в предложении в той или иной синтаксической роли» [23, с. 204].

В современных исследованиях по дериватологии мнение о словообразующем статусе оценочного суффикса *-ушк-* безусловно доминирует. Более того, вся совокупность русских производных имён существительных, объединённых общностью оценочной семантики и экспрессивно-характеризующей функции, получила осмысление в качестве высокопродуктивной словообразовательной

категории субъективной оценки, относящейся к модификационному типу [17, с. 147]. Таким образом, главной функцией суффиксальной морфемы *-ушк-* во всех её семантических и структурных разновидностях должна быть признана словообразующая.

Все слова с суффиксом *-ушк-* относятся к классу имён существительных, но образованы на базе слов разных частей речи: существительных (*рябина – рябинушка*), прилагательных (*простой – простушка*), глаголов (*болтать – болтушка*), числительных (*один – однушка*). Налицо факт реализации структурной (частеречной, морфологической) функции суффикса *-ушк-*, который, будучи частью суффиксального форманта *-ушк(а)*, оформляет результат деривации по типу имён существительных 2-го склонения.

У производных, объединённых общим коннотативным компонентом «ласкательность», структурно-грамматическая функция выражена более специфично. Наряду с дериватами на *-ушк(а)*, составляющими в этой группе слов очевидное большинство: *зимушка, уморушка, судьбинушка, полянушка, заюшка* и т. д., в «Обратном словаре русского языка» зафиксировано около 20 производных, оформленных как существительные среднего рода: *небушко, пивушко, чадушко, чудушко, полюшко, сердечушко* и др. Их производящую базу составляют соответствующие непроизводные слова среднего рода (*небо, пиво, чадо, чудо* и т. п.); исключения – существительные мужского рода – единичны: *хлебушко, хмелюшко, сараюшко*. В одиннадцати дериватах вычленяется алломорф *-юшек (-юшек)*, маркирующий их принадлежность к мужскому роду: *хлебушек, воробушек, соловушек, камушек, подсолнушек, оладушек* и др. Тринадцать производных, мотивированных существительными *pluralia tantum* или нетипичными словоформами, зафиксированы в словаре в форме множественного числа: *ребятушки, детушки, медвежатухи, козлятушки* и др. Отмеченная грамматическая особенность наблюдается только у производных с ласкательным смысловым компонентом, что чётко отграничивает этот словообразовательный тип от других производных на структурном уровне.

2. Для того чтобы установить особенности реализации деривационно-семантических функций суффикса *-ушк-*, необходимо уточнить, в какие словообразовательные типы (далее – СТ) объединяются образованные с его помощью существительные. Нами выделено восемь СТ:

СТ-1 – отсубстантивные производные с ласкательным значением, суффикс безударный: *думушка, тётюшка, кумушка, жёнушка, перинушка, дубинушка, калинушка, сватьюшка, скотинушка* и т. д., в том числе имена собственные: *Аринушка, Иванушка, Алёнушка, Андреюшка* и т. п.;

СТ-2 – отсубстантивные производные с уменьшительно-ласкательным или уменьшительно-уничижительным значением, суффикс ударный: *повестушка, лавчушка, комнатушка, фабричушка, свинушка, девчушка, телушка, соболошка, тварюшка* и т. п.;

СТ-3 – отглагольные производные со значением лица женского пола: *хохотушка, плакушка, поскакушка, врушка, мотушка* и т. д.;

СТ-4 – отглагольные производные, называющие неодушевлённый предмет и имеющие разные частные значения (предмет как субъект или объект / результат действия; предмет, предназначенный для осуществления действия и т. д.):

ловушка, колотушка, гремушка, болтушка (корм для животных), *кормушка, скоблюшка, побрякушка, игрушка, катушка* и т. п.; семантический подтип в рамках этого СТ образует небольшая группа названий животных и птиц: *квакушка, сплюшка* (небольшая птица отряда сов), *колюшка* (рыба) и т. п.;

СТ-5 – отадъективные производные, называющие лиц женского пола по характерному признаку: *резвушка, толстушка, больнушка, роднушка* и т. д.;

СТ-6 – отадъективные производные, обозначающие предмет, который характеризуется признаком, названным мотивирующим именем прилагательным: *гнилушка, кислушка* и т. п.;

СТ-7 – отсубстантивные производные, обозначающие предмет (одушевлённый или неодушевлённый), характеризующийся отношением к тому, что названо мотивирующим именем существительным: *золушка, камenuшка* (птица), *верхушка, веснушка, дернушка* (от *дёрн* – землянка), *норушка* и т. п.;

СТ-8 – отадъективные универбы, обозначающие предмет, названный мотивирующим составным наименованием: *угловушка* (угловая комната), *легковушка* (легковая автомашина), *толстушка* (толстая газета), *пороховушка* (пороховой склад), *надувнушка* (надувная лодка) и т. п.

Отглагольные производные с суффиксом *-ушк-* в русском языке единичны, нерегулярны: *постирушка, потягушки*; модели их образования не носят типового характера.

Анализ словообразовательной семантики имён с суффиксом *-ушк-* каждого СТ в сопоставлении с обобщённой семантикой базовых единиц приводит к выводу о том, что интересующий нас суффикс обслуживает две функциональные сферы: модификационную и мутационную.

Производные СТ-3 – СТ-7 с суффиксальным формантом *-ушк(а)* относятся к числу мутационных, то есть производные слова являются носителями нового, по сравнению с производящим словом, предметно-понятийного содержания. Производные имена существительные мотивированы либо словами других частей речи: глаголами (СТ-3, СТ-4), прилагательными (СТ-5, СТ-6), либо именами существительными с иной лексико-категориальной семантикой (СТ-7), ср., например: «*Веснушки, -шек, ед. -шка, -и, ж. Рыжеватые пятнышки на коже, появляющиеся у некоторых людей весной*» (ТСО).

В рамках СТ-1 и СТ-2 образуются не новые наименования, а субъективно-оценочные модификаты базовых слов. Коренного преобразования семантики мотивирующего слова в этом случае не происходит – формант привносит в семантическую структуру производных СТ-1 лишь коннотативные компоненты (экспрессивный и субъективно-оценочный), а в семантику дериватов СТ-2 добавляет, помимо коннотативных компонентов, денотативную сему рациональной оценки (небольшой размер, или «уменьшительность»). На особую функциональную природу подобных модификатов обратил внимание В.А. Богородицкий, чётко обосновав их своеобразие: «Теперь перед нами новый тип производных, в которых сохраняется основное значение производящего, видоизменяется лишь оттенок представления одного и того же предмета, который может мыслиться большим или малым, а также с оттенком пренебрежительным или же ласкательным» [3, с. 150].

Бесспорное функциональное своеобразие обнаруживает суффикс *-ушк(а)*, используемый при универбации (СТ-8): с его помощью образуются не новые названия реалий действительности, а краткие (однословные) эквиваленты уже существующих составных наименований, высокочастотных или закреплённых языковым кодом (*однокомнатная квартира – однушка, ночная рубашка – ночнушка, прикладная программа – прикладушка* и т. п.). Как правило, производные этого типа функционируют в стилистически сниженных формах речи (разговорная речь, просторечие, жаргон), что существенно отличает их от базовых стилистически нейтральных или книжных составных наименований, ср.: *звучушка* – студия звукозаписи (муз.), *рацушка* – рационализаторское предложение, *пятюшка* – пять лет тюремного заключения (угол.). Семантическое различие между производной и исходной единицами деривации сводится, таким образом, к единственному – стилистическому – компоненту содержания производного слова, который традиционно включают в коннотативную зону лексического значения. Словообразовательные значения универбов этого типа правомерно отнести к разряду модификационных, а соответствующее языковое явление квалифицировать как стилистическую модификацию.

3. Основная коммуникативно-речевая функция производных имён с суффиксом *-ушк-* мутационных типов – номинативная, их создание связано с необходимостью охарактеризовать лицо или назвать предмет по характерному признаку, действию либо через ассоциативную связь с другим предметом.

В производных СТ-1 и СТ-2 модификационные суффиксы *-ушк(а)* (ласкательный и уменьшительный) довольно специфично реализуют экспрессивно-оценочную функцию, которая будет широко проиллюстрирована ниже примерами из НКРЯ. Отметим лишь, что у суффикса СТ-2 экспрессивная функция осуществляется наряду с номинативной (сема «маленький» или «малозначащий»). В отличие от этого суффикс в составе производных СТ-1 не передаёт «ласкательное значение», как это принято называть, а выражает эмотивно-экспрессивное отношение к предмету речи или другому компоненту коммуникативной ситуации, ср.:

- (1) Сказано: *смертушка* придёт – и солнышко умрёт, да! (НКРЯ).

При универбации (СТ-7) предметно-понятийное содержание универбов и базовых словосочетаний абсолютно тождественно, следовательно, в этом случае главная коммуникативно-речевая функция суффикса – компрессивная. Но, как показано в предыдущей части анализа, в этом качестве суффикс реализует не только компрессивную, но и стилистическую функцию, порождая стилистически сниженные однословные эквиваленты стилистически нейтральных или книжных составных наименований, ср.: *Горбушка* – Дом культуры им. Горбунова в Москве (из молодёжного жаргона).

4. Свойством неинвариантности, то есть семантической определённости, обладают, прежде всего, оба суффикса субъективной оценки (СТ-1 и СТ-2). Надёжным средством разграничения значений производных этих СТ служит ударение. Производные, отнесённые к СТ-1, всегда имеют ударение на основе, независимо от ударения производящей основы; слова СТ-2 всегда имеют ударение на суффиксе, независимо от ударения производящей основы. Некоторые

слова (*речушка, дочушка, ручушка, собачушка*) при постановке ударения на корень слова передают ласкательное значение, если же ударение падает на суффикс – уменьшительное значение. Ср. (2) и (3):

- (2) Утёнушка по *речушке* плывёт, Выше бережку головушку несёт... (НКРЯ);
- (3) Озеро они обошли, в общем, удачно – перебрались через неширокую болотистую *речушку*, для чего пришлось всем разуться, подвернуть брюки (НКРЯ).

Н.А. Федянина небезосновательно предлагает рассматривать суффикс *-ушк(a)/-юшк(a)* со значением ласкательности и со значением пренебрежительности как разные морфемы [24, с. 103].

Кроме того, довольно чёткую семантическую специализацию обнаруживает суффикс *-ушк-* в СТ-3 и СТ-5: в сочетании с основами прилагательных и глаголов он образует наименования лица женского пола (реже – общего рода) с характеризующей семантикой (*болтушка, побирушка, дурнушка* и т. п.). Суффикс *-ушк-* в кличках коров по цвету шерсти (*Пеструшка, Чернушка*) представлен в словаре Т.Ф. Ефремовой как самостоятельная словообразовательная единица (= морфема). На наш взгляд, слова этого ряда, образующие семантический подтип СТ-5, соотносятся с вторичной, переносной функцией суффикса, с которой В.Г. Гак связывает представление не о функции, а об «использовании» морфемы [13, с. 8].

Суффиксы всех прочих СТ инвариантны: производные с этим формантом служат обозначениями предметов или животных, названных по отношению к действию, признаку, предмету. Производные СТ-4 и СТ-7 называют разнообразные предметы, пропозиционально связанные с действием (*катушка*) или ассоциативно – с другим предметом (ср.: *черепушка* – небольшой горшочек, миска). Производные СТ-6 имеют широкое неопределённое значение «что-то, обладающее признаком» (*гнилушка*) и приложимы к широкому кругу предметов с данным свойством.

5. Суффиксы *-ушк-* в СТ-1 и СТ-2 обладают системообразующими свойствами в собственно деривационной сфере, поскольку они маркируют разные субкатегориальные значения в рамках категории субъективной оценки, охарактеризованные в пункте 3.

Свойства таксономической релевантности суффиксальный формант *-ушк-* не обнаруживает ни в одном из своих значений, то есть на его основе не произошло выделения какого-либо класса лексико-семантической системы русского языка. В плане систематизации лексики особую позицию занимают лишь форманты в СТ-3 и СТ-5, которые вносят вклад в формирование ЛСГ наименований лица по внутреннему свойству (характерному действию или характерному признаку, ср.: *побирушка, толстушка*). Производные прочих СТ семантической общностью не обладают, за исключением небольшой группы названий инструментов, средств действия (*погремушка, скоблюшка*).

Вместе с тем материалы НКРЯ позволяют уточнить, что данный суффикс встречается в названиях сёл (4), деревень (5), рек (6, 7), растений (8), грибов (9, 10), животных (11), рыб (12), птиц (13, 14):

- (4) Мне уже далеко за шестьдесят, так что я был свидетелем тех огромных перемен, которые произошли за годы Советской власти в моём родном селе *Рябушки* Сумской области (НКРЯ);
- (5) За речкой Столбоухой дорога уже колёсная; проезжаем деревушку *Козлушку*, начинаются пашни и покосы (НКРЯ);
- (6) Тропка была прямёхонько к ключику, который у мостика через *Северушку* (НКРЯ);
- (7) Дорога с перевала спускается круто к более глубокой седловине водораздела и затем уже по берёзово-пихтовой черни в долину речки *Луговушки* (НКРЯ);
- (8) По обеим сторонам узкой дороги... стояла... рожь, с круглыми, похожими на блюда, вымочинами, кое-где обмётанными куколем, *краснушкою* и *васильками*... (НКРЯ);
- (9) ...Он забрался, вероятно, в самую глушь; каждая *благушка*, каждая спорхнувшая птичка обыкновенно занимали его внимание (НКРЯ);
- (10) Для соления подходят пластинчатые грибы: рыжики, *волнушки*, *свинушки*, грузди, сыроежки, лисички, валуи, опята и другие (НКРЯ);
- (11) В те же поры ловятся в тундре куницы-*желтушки* – дорогие меха (НКРЯ);
- (12) *Зеленушки*, ерши и крупные морские ласкиры подпускают охотника на близкое расстояние (НКРЯ);
- (13) Это оказался чёрный рябчик, или «*дикушка*», обитающий в Уссурийском крае исключительно в хвойных лесах Сихотэ-Алиня... (НКРЯ);
- (14) За весь день я заметил только... местами большие скопления *семенушек* (*Charadrius auratus*)... (НКРЯ).

6. Как было сказано выше, функционально-синтаксический (текстопорождающий) потенциал словообразующего суффикса определяется способностью образованных с его помощью слов к текстовому развёртыванию семантики. Производные имена с суффиксом *-ушк-* с мутационной семантикой разделяются по этому признаку на две группы: наименования лиц (СТ-3 и СТ-5) и наименования предметов, не-лиц (СТ-4, СТ-7). Дериваты первой группы относятся к словам с характеризующим (предикатным), однопризнаковым типом семантики, которые способны различными способами актуализировать свою словообразовательную структуру в процессе развёртывания текста, ср.:

- (15) Боюсь, что по сравнению со своими роскошными кухнями она будет казаться замарашкой, *простушкой*, *золушкой* и т. д. (НКРЯ).

Названия предметов (имён естественных родов) выполняют в речи идентифицирующую функцию и обладают пропозициональной семантикой. Они являются устоявшимися целостными номинациями с многопризнаковой семантикой и, как правило, не раскрывают свою семантическую структуру в процессе развёртывания текста, ср.:

- (16) Кулак его с зажатой *катушкой* опять юркнул за пазуху (НКРЯ).

Большой интерес для исследователей представляют тексты, в которых обнаруживается синкретизм функций аффикса, ср.:

- (17) Из дальней комнаты вышла Катя с упирающимся Гришей. – *Катушка!* – ахнул вошедший. Это было давно забытое детское имя Кати, данное ей в те далёкие времена, когда она была толстеньким младенцем (НКРЯ).

Отличительной особенностью текстового функционирования суффиксальных модификаторов с экспрессивной функцией является выход за рамки текста как такового в пределы коммуникативной ситуации. В этом случае дериваты с суффиксами оценки служат для оценочной интерпретации ситуации в целом, или для выражения экспрессивного отношения говорящего к собеседнику или лицу, не являющемуся адресатом речи [25, с. 543–559].

7. Стилистически маркированными являются все рассматриваемые суффиксальные единицы, за исключением ряда производных СТ-4 с идентифицирующей лексической семантикой (*ловушка, игрушка* и др.), а также некоторых производных-идентификаторов СТ-7 (*каменушка, веснушка* и др.). На фоне прочих производных с суффиксом *-ушк-*, носящих сниженный, разговорный характер, стилистически обособлены производные СТ-1: широко распространённые в русском фольклоре, они нередко используются в художественной литературе с оттенком народнопоэтической стилизации (ср.: *травушка-муравушка, вольная волюшка, сердечушко, молодушка, зазнобушка* и т. п.). Универбы СТ-8, напротив, специализируются на разговорном стиле, а также участвуют в пополнении лексики профессиональных и социальных жаргонов, ср., например:

(18) В итоге, книжка-записнушка весит больше кило (НКРЯ).

Подведём итоги проведённого нами комплексного функционального анализа с учётом того, что первые его ступени отражают наиболее сильные характеризующие основания. Итак, по деривационно-семантической функции суффиксальные единицы в составе модификационных типов – СТ-1, СТ-2 и СТ-8 – отграничиваются от прочих суффиксов, функционирующих в сфере мутации. Различие коммуникативно-речевых функций у однофонемных аффиксов даёт основания для отделения чистого экспрессива *-ушк-1*, представленного в СТ-1, от *-ушк-2*, совмещающего в СТ-2 номинативную и экспрессивную функции, а также для обособления суффикса универбации *-ушк-3* как носителя компрессионной функции в производных СТ-8. Отличие в морфемной семантике позволяет разграничить суффиксы с личным значением (СТ-3 и СТ-5), с одной стороны, и с предметной семантикой (СТ-4, СТ-6, СТ-7), с другой. На следующих этапах анализа внутри групп производных с личным и предметным значением функциональной дифференциации не обнаруживается, поскольку разграничение отглагольной и отадективной семантики осуществляется в рамках словообразовательного типа и не имеет прямого отношения к семантике морфем. Следовательно, «однозвучные» суффиксальные единицы *-ушк-4* с личным значением и *-ушк-5* с предметной семантикой правомерно рассматривать как две самостоятельные морфемы.

Заключение о том, что в русском языке фонематический комплекс *-ушк-* представляет на уровне формы пять морфем, подтверждается их системной дифференциацией практически во всех функциональных сферах: лексико-семантической, синтаксической (текстовой), стилистической.

Таким образом, задача системного отграничения суффиксов субъективной оценки от омонимов, послужившая непосредственным поводом к написанию настоящей статьи, решена. Разработанная методика анализа морфем даёт воз-

возможность создания функциональной картограммы интересующих нас оценочных аффиксов:

-ушк-1 – словообразующий суффикс имени существительного с неизменяемым словообразовательным значением модификационного типа («ласкательным»), обладающий специфическим текстопорождающим потенциалом, экспрессивной коммуникативной функцией и особыми стилистическими свойствами (разговорный характер, способность к народно-поэтической стилизации);

-ушк-2 отличается от -ушк-1 на уровне формы ударением, а также характером оценочной семантики (денотативная сема «небольшой размер», оценочная амбивалентность); кроме того, существуют некоторые особенности реализации его стилистической функции.

Определение системно-языкового статуса морфем со сходными формально-семантическими свойствами требует сопоставления особенностей их функционирования в языке и речи.

Для того чтобы проследить на материале НКРЯ, как менялась активность этих морфем в диахронии, нами было отобрано 50 слов (1233 контекста), образованных с помощью -ушк-1 (*бородушка, бурёнушка, вдовушка, ведьмушка, глубинушка, девчонушка, державушка, детинушка, детушка, долинушка, заботушка, кровинушка, малинушка, зимушка, обидушка, погодушка, работушка, соседушка, судьбинушка, скворушка, сиротинушка, нянюшка* и др.), и 25 слов (494 контекста), образованных с помощью -ушк-2 (*альтушка, амбарушка, вечерушка, войнушка, голодушка, домушка, звездушка, кафушка, кинушка, пальтушка, пивнушка, повестушка, погребушка, сараюшка, свинушка (свинья), сволочушка, серпушка, собачушка, церквушка* и др.). Однозначный вывод об изменении их активности сделать сложно, так как количество текстов, написанных в разные исторические периоды, в НКРЯ неодинаково, однако можно проследить определённые тенденции.

Количество слов, образованных по первому словообразовательному типу, в хронологической динамике возрастает, что в немалой степени объясняется преобладанием более поздних текстов:

- XVIII в. – 0.6%, например:

(19) И как мать её часто страдала болезненными припадками, то на шестнадцатом году от рождения оставила сиротою свою дочь, которой в наследство отказала одну только *коровушку-бурёнушку* (НКРЯ);

(20) Вспомнил я, что некогда блаженной памяти *нянюшка* моя Клементьевна, по имени Прасковья, наречённая Пятница, охотница была до кофею и говаривала, что помогает он от головной боли (НКРЯ);

- первая половина XIX в. – 4.6%, например:

(21) Москва-*матушка* похожа на пожилую, богатую *вдовушку* (НКРЯ);

(22) Я теперь *сиротинушка*, хозяин свой (НКРЯ);

- вторая половина XIX в. – 23.8%, например:

(23) Однажды вечером он увидел, что скотница целый час стоит у ворот в поле и зычным голосом кричит: «*Бурёнушка, Бурёнушка!*...» (НКРЯ);

(24) Своим глазам видела... *Стыдобушка головушке!* (НКРЯ);

- первая половина XX в. – 32.6%, например:

- (25) Вот *уморушка*-то, тятя, кабы ты видел только! (НКРЯ);
 (26) И живут там все одни девушки, живут на полной своей воле – на *свободушке*, честным трудом сами себя во всём продольствуют (НКРЯ).

Во второй половине XX в. количество производных немного уменьшается – 26.8%, что позволяет выдвинуть гипотезу о снижении активности рассматриваемого словообразовательного типа:

- (27) Зато никакой тебе *работушки*, – не то успокаивая, не то насмехаясь, говорила Настасья Дарья (НКРЯ);
 (28) Вот она – *девчонушка*, горькое дитё... Что её завтра ждёт? (НКРЯ).

Данные, полученные за 2001–2015 гг. (11.7%), пока не позволяют ни подтвердить, ни опровергнуть это предположение.

Однако анализ текстов поэтического подкорпуса подтверждает вывод о снижении активности данного СТ: на первую половину XX в. приходится максимальное количество употреблений производных существительных с безударным суффиксом *-ушк(а)* – 45% (119 контекстов), на вторую половину XX в. – 6.4% (17 контекстов), за 2001–2015 гг. ни одного употребления не зафиксировано (XVIII в. – 5.7%, первая половина XIX в. – 16%, вторая половина XIX в. – 26.6%).

В устном подкорпусе производные с безударным суффиксом *-ушк(а)* встречаются чаще всего при цитировании (29, 30), а также при стилизации народной речи (31, 32):

- (29) [Поёт] [Респондентка, жен, 71] Ой ты *зимушка*-зима / ты холодная была / три дня... ай / не помню... (НКРЯ);
 (30) Она говорит / что там одна сцена была / когда она стоит на крыльце и говорит «Гришенька / *кровинушка* моя!» и текст звучит на английском “I love you” (НКРЯ);
 (31) А может быть/ и не убьёт/ а уедет в Швейцарию/ будет выращивать эдельвейсы/ *коровушки* будут/ серебряные колокольчики вокруг него звенеть (НКРЯ);
 (32) Пришёл Ерощка на деревянной ножке! Здорово / *соседушка*! Эх / здорово / Прокон! (НКРЯ).

О снижении продуктивности данного СТ свидетельствует и анализ частотности употребления слов с безударным суффиксом *-ушк(а)*: XVIII в. – 0.0002% от общего количества словоформ за этот период, 1801–1850 гг. – 0.0005%, 1851–1900 гг. – 0.0009%, 1901–1950 гг. – 0.0007%, 1951–2000 гг. – 0.0005%. Из приведённых данных видно, что со второй половины XX в. количество производных с безударным *-ушк(а)* постепенно уменьшается.

Говоря о втором словообразовательном типе, можем заметить постепенное увеличение количества слов, образованных с помощью суффикса *-ушк-2*:

- вторая половина XIX в. – 7.7%, например:

- (33) Это скромная *церквушка*, построенная на вершине довольно высокой горы, на расстоянии двух с половиной часов отсюда (НКРЯ);

- (34) Она только что вывернулась из передней избы в *погребушку*, пересчитала там утренний удой по кринкам, поднялась на крылечко и остановилась, как вкопанная; перед ней стоял Родион Потапыч (НКРЯ);
- первая половина XX в. – 8.2%, например:
- (35) Таскался по *кинушкам*, торговал папиросами, потом даже приобрел санки и сделался «советской лошадкой» (НКРЯ);
- (36) Иногда Кикимбаев пьянствовал в *пивнушке*, пел песни, обнимал раскрашенную бабёнку, рассказывал ей о степи (НКРЯ);
- вторая половина XX в. – 57%, например:
- (37) Мы с мальчишками прятались в нём, играя в *войнушку* (НКРЯ);
- (38) Очень хорошая *собачушка*, чёрная, мохнатая, морда кирпичом, хвостик торчком (НКРЯ);
- XXI в. (2001–2015 гг.) – 26%, например:
- (39) Младший лейтенант Растягаев с распухшим носом хрястнул дверцей кабины *газушки*, велел шофёру трогаться... (НКРЯ);
- (40) *Альтушку* я надраила, плесень с подушек смыла с порошком и хлором, подклеила – заиграл (НКРЯ).

Таким образом, производные существительные, образованные с помощью СТ-2, всё активнее используются в письменной речи как элементы художественной литературы. Анализ устного подкорпуса показывает, что производные, образованные по данному типу, начинают проникать в устную публичную речь (41, 42) и на телевидение (43, 44). Если за вторую половину XX в. зафиксировано 14 словоупотреблений, то за 15 лет XXI в. почти столько же – 13.

- (41) ...У нас была такая *домушка*... (НКРЯ);
- (42) ...В *войнушку* играю (НКРЯ);
- (43) И потом в одной *церквушке* батюшка мне и сказал... (НКРЯ);
- (44) А эти лежат на тахте и в телевизор глаза пялят или по *пивнушкам* сидят (НКРЯ).

В то же время существительные с ударным суффиксом *-ушк(а)* уходят из поэтических текстов: за 2001–2015 гг. ни одно из рассматриваемых производных не встречается в поэтическом подкорпусе, во второй половине XX в. зафиксировано 15 словоупотреблений, в первой половине XX в. – 27. О повышении активности данного СТ свидетельствует и анализ частотности употребления слов с ударным суффиксом *-ушк(а)*: за 1951–2000 гг. она составила 0.00041% от общего количества словоформ за этот период, тогда как за 1901–1950 гг. – 0.0008%.

Полученные количественные результаты очень выразительны. Они свидетельствуют о постепенном уменьшении в современном русском языке доли функциональной значимости суффикса *-ушк-1* как яркого средства позитивной оценочности в рамках категории субъективной оценки и дают основания для противоположного вывода по отношению к оценочно амбивалентному (ласкательно-уничижительному) суффиксу *-ушк-2*. Подобные выводы имеют прямой выход в анализ русской языковой картины мира и нуждаются в более детальном обосновании и глубоком осмыслении.

Центральным пунктом приложения возможностей функционального анализа в сфере морфемики нам видится создание системно-функционального каталога словообразовательных аффиксов русского языка.

Источники

- Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Directmedia, 2014. – 7602 с.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/>, свободный.
- Сл. Ефр. – *Ефремова Т.Ф.* Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 638 с.
- Сл. Пот. – Потиха З.А. Строение русского слова: Учеб. сл. для заруб. шк. – М.: Рус. яз., 1981. – 319 с.
- ОСРЯ – Обратный словарь русского языка. – М.: Сов. энцикл., 1974. – 944 с.
- ТСО – Веснушки // Толковый словарь Ожегова. – URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=2924>, свободный.

Литература

1. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.
2. *Вежбицкая А.* Язык, культура, познание. – М.: Рус. словари, 1996. – 411 с.
3. *Богородицкий В.А.* Общий курс русской грамматики. – М.; Л.: Гос. соц. эконом. изд-во, 1935. – 356 с.
4. Грамматическая лексикология русского языка. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 189 с.
5. Русская грамматика: в 2 т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 783 с.
6. *Косова В.А.* Словообразовательные категории русского языка: проблемы теории. – Казань: Нов. знание, 2014. – 204 с.
7. *Бондарко А.В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М.: Яз. славян. культуры, 2002. – 737 с.
8. *Бодуэн де Куртене И.А.* Языковедение и язык: Исследования, замечания, программы лекций. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 212 с.
9. *Крушевский Н.* Очерк науки о языке. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1883. – 148 с.
10. *Вендина Т.И.* Дифференциация славянских языков по данным словообразования. – М.: Наука, 1990. – 168 с.
11. *Улуханов И.С.* О некоторых возможностях описания словообразования с функциональной точки зрения // Улуханов И.С. Словообразование. Морфонология. Лексикология. – М.: Логос, 2012. – С. 90–101.
12. Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок: Сб. ст. – М.: Прогресс, 1967. – С. 17–41.
13. *Гак В.Г.* К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики / Отв. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1985. – С. 5–15.
14. *Балалыкина Э.А., Николаев Г.А.* Русское словообразование. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985. – 184 с.

15. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания. – М.: URSS, 2007. – 255 с.
16. Кубрякова Е.С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – 2006. – Т. 65, № 2. – С. 3–13.
17. Земская Е.А. Словообразование как деятельность / Отв. ред. Д.Н. Шмелёв. – М.: URSS, 2009. – 221 с.
18. Косова В.А. Категориальная модель русского субстантивного словообразования В.А. Богородицкого // Предложение и Слово: Сб. науч. тр. / Отв. ред. С.В. Андреева. – Саратов: Науч. кн., 2013. – С. 378–385.
19. Dokulil M. Tvoření slov v češtině. Teorie odvozování slov. – Praha: Academia, 1962. – 1. díl. – 263 s.
20. Косова В.А. Деривационно-семантическая типология словообразовательных категорий // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2013. – Т. 155, кн. 5. – С. 141–151.
21. Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1996. – 218 с.
22. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. – М: Наука, 1980. – С. 156–249.
23. Богородицкий В.А. Очерки по языковедению и русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1939. – 224 с.
24. Федянина Н.А. Ударение в современном русском языке. – М.: Рус. яз., 1982. – 302 с.
25. Лопатин В.В. Словообразовательные средства субъективно-оценочной прагматики высказывания и текста // Многогранное русское слово: Избр. ст. по рус. яз. – М.: Азбуковник, 2007. – С. 543–560.

Поступила в редакцию
28.06.16

Косова Вера Алексеевна, доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: vera_kosova@mail.ru

Маклеева Елена Александровна, ассистент кафедры русского языка как иностранного

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Elena.Makleeva@kpfu.ru

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 5, pp. 1338–1358

**On the Functional Analysis of Morphemes
or How Many -ушк- (-ushk-) Suffixes There Are in the Russian Language**

V.A. Kosova*, E.A. Makleeva**

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: *vera_kosova@mail.ru, **Elena.Makleeva@kpfu.ru

Received June 28, 2016

Abstract

The paper is devoted to the important linguistic problem – the search of criteria to differentiate between homonymic morphemes. This problem is associated with the need to reveal the features of the evaluative suffix -ушк- (-ushk-) as one of the striking means of expression of the category of subjective evaluation in the Russian language, as well as to substantiate its differentiation from similar elements of the system – homonymic suffixes. The functional nature of morphemes, which was disclosed by Jan Baudouin de Courtenay, calls for using functional methods to analyze them, but there are currently no universally accepted methods to describe the functions of word-building affixes. The existing investigations in the field of word building and morphemics have been analyzed from the perspective of the functional approach; the hierarchy of functions performed by word-building morphemes has been created; among the functions, those being system- and language-relevant, thereby being important for differentiation between homonymic morphemes, have been identified.

On the basis of the obtained results, an approach to the complex functional analysis of affixes aimed at determining their system-relevant properties has been developed. The use of this algorithm has shown that the Russian language is characterized by five functionally independent suffixal homonyms of -ушк-. A particular emphasis has been put on the differentiation between two homonymic suffixes with the subjectively evaluative semantics. The most important prospect of using the functional analysis in morphemics is development of the system functional catalogue of word-building affixes of the Russian language.

Keywords: morpheme, suffix, category of subjective evaluation, functional analysis, word-building type, word building, semantics

Для цитирования: Косова В.А., Маклеева Е.А. О функциональном анализе морфем, или сколько в русском языке суффиксов -ушк- // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 5. – С. 1338–1358.

For citation: Kosova V.A., Makleeva E.A. On the functional analysis of morphemes or how many -ushk- (-ushk-) suffixes there are in the Russian language. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 5, pp. 1338–1358. (In Russian)